

вековья и видеть ценность этих памятников только в их «высоких художественных достоинствах» (стр. 6). Сам автор справедливо пишет, что «алтарная преграда не может рассматриваться только в плоскости ее структуры и художественного оформления» (стр. 16). Да и само конкретное исследование Р. О. Шмерлинг все время прорывается за это искусственный барьер и много дает для понимания, мы бы сказали, стихийно-материалистических элементов в мировоззрении мастеров.

Традиционный историографический обзор (глава I) дан с исчерпывающим знанием литературы как грузинской, русской, так и зарубежной. Здесь лишь следовало бы сделать более конкретной критику взглядов И. Б. Константиновича (стр. 13—15).

Анализу алтарных преград Грузии автор предпосылает сначала очень существенный для темы «Обзор литературы по вопросу устройства алтарной части ранних христианских храмов» (глава II), а главу III посвящает устройству алтарной части в храмах Грузии.

Во II главе было бы полезно введение графических схем типа тех, какими автор снабдил главы, посвященные анализу орнамента. Здесь ценна характеристика роли алтарной преграды в литургии, причем выясняется важное обстоятельство, что устройство алтарной части определяется далеко не только литургией. Поскольку сведения о древней литургии вообще очень расплывчаты, то возрастает значение реальных «археологических» данных по устройству алтарных частей храмов. Р. О. Шмерлинг и рассматривает изучение алтарных преград Грузии как часть такой работы (стр. 24).

В III главе автор уделяет большое внимание выявлению своеобразных черт в интерьере храмов Грузии. Они становятся заметными с VIII в., когда разворачивается борьба за независимость Грузии (стр. 31). Но поскольку в эту пору Грузия еще была политически раздробленной и не было единой «литургической установки» в самом грузинском богослужении, постольку и в устройстве алтарной части храмов не было единства (стр. 38). Здесь автор отмечает, что борьба с арабским владычеством за независимость Грузии содействовала выработке собственных форм устройства храма и что религия выступала в этой борьбе как «один из стимулов освободительного движения». Уже в это раннее время появляются такие преграды (например, церковь Сиони в Эрцо), устройство которых не было связано с литургическими требованиями (стр. 32) и, видимо, отражало какие-то местные условия. Далее Р. О. Шмерлинг отмечает усиление к концу X в. роли Картли в объединении страны и почти одновременный переход грузинского богослужения на Афоно-Константинопольский устав (стр. 38—39). Казалось бы, это должно было привести к усвоению Грузией византийской алтарной преграды — так называемого темплона². Попытки в этом направлении были, о чем свидетельствует фрагмент преграды византийского типа, сохранившийся в кладке церкви Хобского монастыря в Мингрелии (стр. 62). Но показательно, что в том же X в. стабилизируется и собственно грузинский тип преграды, который затем сохраняется вплоть до проникновения в Грузию высоких иконостасов (стр. 39).

Этот вопрос ведет нас к IV главе, посвященной анализу структуры алтарных преград. Здесь автору пришлось возвращаться к устройству алтарных преград в храмах Переднего Востока и Византии (стр. 41—46), чего можно было бы избежать, если бы это было сделано во II главе. Главу же IV логичнее было начать с рассмотрения вопроса об алтарных завесах, после чего переход к ранним алтарным прегодам был бы органичен.

Вопрос об алтарных завесах давно интересует медиевистов, но, пожалуй, только теперь, после тщательных наблюдений Р. О. Шмерлинг, он встал на прочную фактическую почву. Особенно интересен факт сочетания завесы с низкой алтарной преградой типа парашета в церкви Пусд (стр. 48—49; по-видимому, так же отделялся алтарь и в Атенском Сиони VII в., стр. 47, 60, а также в Джварц). Далее автор замечает, что хотя низких преград типа парашета раннего времени не сохранилось, но, по-видимому, они-то и были самыми ранними (стр. 55—56). К сожалению как-то затерялся между строк на стр. 52 вопрос о преграде V в., так и оставшийся неясным для читателя.

Наиболее ранние из сохранившихся алтарных преград относятся, по данным Р. О. Шмерлинг, к VIII — началу X в. и принадлежат к двум типам: 1) с колоннами, стоящими на полу и несущими открытый арочками антаблемент и 2) с колонками, стоящими на парашете и также увенчанными арочным антаблементом. С X в. последний тип господствует (стр. 54). Характерным для грузинских преград автор считает: 1) только один центральный вход, 2) отсутствие навесных врат, 3) прорезанный арочками антаблемент. Вторая особенность встречается также в Сирии, Месопотамии и Каппадокии. Третья же — только в Каппадокии (стр. 59). Автор заключает, что грузинские преграды ближе к Востоку, нежели к Византии (стр. 59).

Приводя весь этот интереснейший материал по ранним грузинским алтарным прегодам, Р. О. Шмерлинг недостаточно остановилась на их генезисе. Хотелось бы иметь более ясную характеристику того, что Грузия восприняла извне и что она выра-

² В. Н. Л а з а р е в. Два новых памятника русской станковой живописи XII — XIII вв. — КСИИМК, XIII, 1946, стр. 72.